

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ОДЕССКИХ ИСТОРИКОВ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

С. И. Лиман

Лиман С. И. Кирило-Мефодіївська тематика у творчості одеських істориків XIX – початку XX ст. Одним з пріоритетних напрямків вітчизняної історичної науки в XIX – на початку XX ст. було вивчення просвітницької діяльності Кирила і Мефодія. Певний внесок у дослідження Кирило-Мефодіївської проблеми зробили відомі вчені, чия наукова діяльність проходила у навчальних закладах Одеси: професор Ришельєвського лицю К. П. Зеленецький, професори Новоросійського університету В. І. Григорович, Ф. І. Успенський, М. Г. Попруженко. Ця тематика знаходила відображення в працях різного, в тому числі монографічного формату, проте ключовим фактором, що викликав активність дослідників, були тисячолітні ювілеї слов'янських першовчителів.

Ключові слова: Кирило; Мефодій; Одеса; історія; Новоросійський університет.

Лиман С. И. Кирилло-Мефодиевская тематика в творчестве одесских историков XIX – начала XX вв. Одним из приоритетных направлений отечественной исторической науки в XIX – начале XX вв. являлось изучение просветительской деятельности Кирилла и Мефодия. Определенный вклад в исследование кирилло-мефодиевской проблемы внесли известные ученые, чья научная деятельность проходила в учебных заведениях Одессы: профессор Ришельевского лицея К. П. Зеленецкий, профессора Новороссийского университета В. И. Григорович, Ф. И. Успенский, М. Г. Попруженко. Данная тематика находила отражение в трудах разного, в том числе монографического формата, однако ключевым фактором, вызывавшим активность исследователей, являлись тысячелетние юбилеи славянских первоучителей.

Ключевые слова: Кирилл; Мефодий; Одесса; история; Новороссийский университет.

Liman S. I. Cyril and Methodius Subjects in Works of Odessa Historians of the 19th - Early 20th Centuries. One of priority items in Russian Empire historical science in 19th - early 20th centuries was study of Cyril and Methodius educational mission. Certain contribution to the study of Cyril and Methodius problem was made by well-known scholars who acted at Odessa educational institutions: K. P. Zelenetskiy, Professor at Richellieu Lyceum, V. I. Grigorovich, F.I.Uspenskiy, M. G. Popruzhenko, Professors at University of Novorossia. These subjects were reflected in works of various formats, including monographs, but the key factor stimulating the researches were millennial jubilees of Slavic first teachers.

Keywords: Cyril; Methodius; Odessa; history; University of Novorossia.

В предыдущих томах «Дриновского сборника» (Т. 5; Т. 7) автор предлагаемой статьи опубликовал свои материалы на тему: «Харьковская школа Кирилло-Мефодияны (60–80-е гг. XIX в.)»¹ и «Киевская школа Кирилло-Мефодияны в XIX в.»². Третьим крупным научным центром украинских земель Российской империи была Одесса. В 1817 г. по инициативе одесского градоначальника и губернатора Новороссии, французского эмигранта А. де Ришелье, здесь открыли лицей, названный в его честь, а в 1865 г. на базе Ришельевского лицея организовали императорский Новороссийский университет³. В этих высших заведениях Одессы велась работа по изучению средневековой истории, в том числе деятельности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия.

Отражение миссионерской деятельности солунских братьев в трудах дореволюционных одесских историков ещё не стало предметом специального историографического исследования. Об этом векторе творчества ученых Ришельевского лицея и Новороссийского университета кратко говорилось в ряде обобщающих трудов, лишь в контексте их научного наследия. Так, в библиографических статьях в словаре «Славяноведение в дореволюционной России» С. Б. Бернштейн и Л. П. Лаптева отмечали интерес к кирилло-мефодиевской тематике у В. И. Григоровича⁴ и А. А. Кочубинского⁵. Аналогичные упоминания содержатся и в статьях Л. Ф. Баранник, О. Б. Демина, Ф. О. Самойлова, А. К. Смольской, посвященных творчеству этих же славистов, из юбилейного сборника «Профессоры Одесского (Новоросийского) университета»⁶. В обобщающей монографии С. А. Копило-

ва «Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок XX ст.)» отмечался вклад в освещение кирилло-мефодиевской проблемы не только В. И. Григоровича и А. А. Кочубинского, но и Ф. И. Успенского⁷. Отдельные аспекты этой темы затрагивал С. И. Лиман в контексте изучения развития медиевистики в Украине⁸, он же и С. Б. Сорочан – в контексте изучения творчества В. И. Григоровича и развития византистики в Новороссийском (Одесском) университете⁹.

Цель данной статьи – представить комплексный анализ изучений одесскими историками XIX – начала XX в. деятельности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия как одной из главных тем в дореволюционной отечественной славистике и византистике.

Одесские ученые не были первыми по времени среди отечественных специалистов, обратившихся к исследованиям кирилло-мефодиевской проблемы¹⁰. Однако географическая близость Одессы к территориям, занимаемым, с одной стороны, Византией, с другой – зарубежными славянами, во многом обусловила ранний интерес ее ученых к деятельности солунских братьев.

Первым по времени среди одесских исследователей этой деятельности был К. П. Зеленецкий (1812–1858), вклад которого в Кирилло-Мефодиану не был отражен в ранее изданных обобщающих работах о развитии отечественного славяноведения. Выпускник Одесского Ришельевского лицея и историко-филологического факультета Московского университета (1835), он стал магистром (1837), затем профессором (1839) русской словесности Ришельевского лицея¹¹ и одним из первых в Российской империи обратился к кирилло-мефодиевской проблеме. Эти обращения ученый осуществил в монографии «О языке церковно-славянском, его начале, образователях и исторических судьбах» (1846)¹². Основой этой монографии стала обширная актовая речь, произнесенная в торжественном собрании Ришельевского лицея «О начале и образователях языка церковно-славянского» (1844)¹³. При этом, несмотря на откровенно филологические заглавия и речи, и монографии, значительная часть их содержания носит все же исторический характер.

Исследования К. П. Зеленецкого учитывали все, в том числе новейшие, достижения Кирилло-Мефодианы, что предопределило их дискуссионный характер. Вместе с тем, несмотря на блестящее знакомство с историографической проблемой и, в большинстве случаев, на вполне удачную их аргументацию, не все оценки одесского ученого оказались верными с точки зрения современной науки. К. П. Зеленецкий не только допускал возможность славянского происхождения Кирилла и Мефодия¹⁴, на чем даже во второй половине XIX в. настаивали некоторые отечественные авторы, например, М. П. Погодин и А. К. Завадский-Краснопольский¹⁵. Другой его крайностью стало редкое для отечественной историографии признание того, что разделение двух Церквей «начал и поддерживал Фотий»¹⁶. К. П. Зеленецкий разделял ошибочное мнение Й. Добровского о том, что глаголица новее кириллицы и была изобретена в XIII в. в Далмации для поддержания славянской литургии¹⁷. Впрочем, эта ошибка получила широкое распространение в европейской славистике. Мнение Й. Добровского поддерживал и О. М. Бодянский в работе «О времени происхождения славянских письмен». Точку зрения о том, что кириллица древнее глаголицы, разделял и И. И. Срезневский¹⁸.

К. П. Зеленецкий, по сути, не отрицал и возможности крещения Кириллом и Мефодием «всей Хазарии»¹⁹, что прямо противоречит «Пространному Житию», где сообщается о христианизации всего 200 хазар²⁰. Впрочем, в вопросе о христианизации Хазарии одесский историк сделал важную оговорку, а именно: он допускал возможность, что под «Хазарией» в Четьи-Минеи, например, могли подразумеваться земли, заселенные славянами и протоболгарами²¹.

Одним из ключевых вопросов Кирилло-Мефодианы традиционно был вопрос о том, какие именно богослужебные книги перевели солунские братья. Например, современник К. П. Зеленецкого, киевский ученый О. М. Новицкий писал по этому поводу: «Нельзя не принять древнейшего и точного свидетельства Иоанна Экзарха Болгарского о переводе Кириллом, и после него Мефодием, шестидесяти уставных книг, под именем которых должно разуметь Канонические Книги Ветхого и Нового завета»²². К. П. Зеленецкий высказался по этому вопросу вразрез с мнением О. М. Новицкого. «Мы не в состоянии исчислить в подробности, – указывал одесский исследователь, – какие именно книги переведены были Кириллом и Мефодием, но определенно можно сказать, что первым, а особен-

но вторым из них переведена была с греческого языка на славянский значительная часть книг Ветхого и Нового Завета; что ими переведены были книги и службы, существенно необходимые при литургии и других священныхдействиях»²³.

В работах К. П. Зеленецкого содержалось немало примеров объективной исторической критики. Так, «главным источником» жизни и деятельности солунских братьев после 863 г. одесский ученый называл западные легенды²⁴. Он не склонен был считать всеобщим и окончательным разделением в IX в. западной и восточной Церквей и признавал наличие существенных противоречий между папским Римом и германскими светскими и даже духовными феодалами, что в конечном итоге способствовало проповеди Кирилла и Мефодия на славянском языке²⁵. Эти выводы получают затем дальнейшее и более развернутое подтверждение в трудах других представителей Кирилло-Мефодияны.

Новый импульс исследованиям о подвижничестве Кирилла и Мефодия дали три тысячелетних юбилея славянских первоучителей: начало их миссионерства в Великой Моравии (1863), смерти Кирилла (1869), смерти Мефодия (1885). Этот всплеск научного интереса к Кирилло-Мефодияне как в Российской империи, так и за рубежом использовался приверженцами различных теорий, в том числе славянофильской идеологии, в определенных политических целях. Кирилло-мефодиевская проблема в этом случае являлась составной частью глобальной проблемы взаимоотношений православного Востока и католического Запада. Данный аспект приобретал особую актуальность в связи с резкими изменениями общественно-политической ситуации в Российской империи вообще, ее украинских землях в частности. Прозападные реформы 1860-х гг. и контрреформы первой половины 1880-х гг., несомненно, оказывали влияние на тон работ, не меняя, впрочем, их общепредостерегающего содержания²⁶.

Известным специалистом общероссийского масштаба в Кирилло-Мефодияне был одесский славист В. И. Григорович (1815–1876). Выпускник Харьковского университета (1833), он с 1839 по 1863 (с перерывами) преподавал в Казанском университете, где и подготовил магистерскую диссертацию: «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах» (1842). В 1865–1876 В. И. Григорович состоял ординарным профессором кафедры славянской филологии Новороссийского университета, первым деканом его историко-филологического факультета (1865). В Одессе он активно участвовал в деятельности Славянского благотворительного общества, был его первым секретарем (1870)²⁷.

Еще до перехода в Новороссийский университет В. И. Григорович одним из первых в России опубликовал в рамках кирилло-мефодиевской проблемы «Изыскания о славянских апостолах» (1847) и «Древнеславянские памятники» (1862). Оба сочинения были высоко отмечены в историографии Кирилло-Мефодияны. В одесский период своей научно-педагогической деятельности он не подготовил фундаментальных трудов, посвященных деятельности солунских братьев, однако юбилейная статья «Несколько слов, сказанных по поводу празднования тысячелетия со времени кончины Св. Кирилла» (1869) вполне отражала ключевые выводы его предыдущих исследований.

В отличие от многих современников, В. И. Григорович старался выйти за рамки традиционного изображения деятельности солунских братьев в контексте борьбы двух начал – православного и католического. Подвижничество первоучителей он стремился рассматривать не в дуалистической, а в триалистической плоскости противоречий папского Рима и приверженцев «патриархов Востока, теснимых поборниками ислама»²⁸. «Необходимо было, следственно, противопоставить, – подчеркивал В. И. Григорович, – и энергии римских притязаний, и натиску ислама – зиждительную силу просвещения среди варваров и этими варварами, ощущавшими потребность просвещения, были тогда славяне»²⁹. Роль инициатора «давно задуманной» миссии Кирилла и Мефодия ученый отводил не византийскому императору, давшему лишь согласие на нее, а Патриарху Фотию, который предстает под его пером как «гениальный муж, одаривший своими помыслами IX ст.»³⁰. Обратил внимание ещё на некоторые выводы В. И. Григоровича, которые во многом не совпадали с мнениями известных отечественных специалистов по данной теме И. В. Платонова и П. А. Лавровского. Признавая факт гонения немецкого клира на славянских первоучителей, их верность православию и «бесконтрольное властолюбие папства», одесский историк, тем не менее, признавал их «примирительность» в отношениях с Римским престолом³¹. На это трудно возразить.

Взаимно противоположные точки зрения по данному вопросу выдвинули в своих юбилейных публикациях другие представители Новороссийского университета – А. А. Кочубинский и Ф. И. Успенский.

А. А. Кочубинский (1845–1907) был выпускником гимназии при Ришельевском лицее в Одессе (1863) и историко-филологического факультета Московского университета (1867). Почти вся его научно-педагогическая деятельность была связана с Новороссийским университетом, в котором он преподавал с 1867 до самой смерти в 1907 г. Доцент, с 1877 г. – профессор кафедры славянской филологии, декан историко-филологического факультета (1903–1905), один из основателей Одесского Славянского благотворительного общества и Историко-филологического общества при Новороссийском университете (1889), он много сделал для изучения славянской истории и филологии³². Хотя основные научные интересы А. А. Кочубинского были связаны с областью филологии – со сравнительным изучением славянских наречий, а в области истории славян – с исследованием политико-конфессионального противостояния в Чехии в начале XVII в., часть своего творчества он посвятил изучению деятельности Кирилла и Мефодия. В юбилейном г. он опубликовал в виде большого очерка свою речь «(6 апреля 885–1885). Добрый пастырь и добрая нива». Эта речь была прочитана ученым в торжественном собрании университета. Тогда же в журнале «Исторический вестник» вышла его статья «Тысячелетие славянства».

Как историк и филолог А. А. Кочубинский выделял все грани подвига солунских братьев, прежде всего по «организации церкви, но с народным языком в ней»³³, «ибо народный язык в церкви – единое орудие возвращения человека к заповедям Христа»³⁴. В обеих своих публикациях автор акцентировал внимание, прежде всего, на значении перевода богослужебных книг на народный язык. В отличие от И. И. Мальшевского, А. А. Кочубинский вполне допускал возможность изобретения солунскими братьями именно глаголицы, в чем был совершенно прав³⁵.

А. А. Кочубинский обращался в основном к личности младшего из солунских братьев – Мефодия. Главное достижение Мефодия одесский ученый видел в том, что он «организовал христианскую общину славян, готовую было обнять почти необъятное пространство средней и восточной Европы»³⁶. Причины неудач его предшественников – католических миссионеров – распространить христианство среди славян Моравии А. А. Кочубинский объяснял не слепой ненавистью моравских славян к новой вере и не их языческим фанатизмом. «Десятина, эти безжалостные требования со стороны немецких проповедников христианской любви – вот что возмущало язычников славян», – указывал он»³⁷. Наряду с угрозой материального свойства А. А. Кочубинский верно выделил и угрозу «полного политического порабощения» моравских славян в связи с постоянным вмешательством немецкого двора, действовавшего с католической церковью «согласно, в гармонии»³⁸. Две эти опасности, исходящие от католического духовенства и немецкого двора, ученый считал главной причиной обращения моравских славян к Византии.

В целом А. А. Кочубинскому были чужды подчеркнута антизападные позиции многих своих отечественных коллег. Не отрицая в принципе остроты борьбы Рима и Константинополя, он все же считал, что в этой борьбе «церковь нового, национального типа, славянская церковь Мефодия, осталась нейтральной кафоликней»³⁹. Не отрицал А. А. Кочубинский и «участия Римского престола в организации церкви Мефодия». В то же время ученый полагал, что эта временная уступка Рима была вызвана «политическими обстоятельствами, расчетами дня»⁴⁰. Выскажемся определеннее – это была вынужденная мера.

Юбилей 1885 г. вызвал отклик и у известного отечественного византиниста, впоследствии академика Ф. И. Успенского (1845–1926). Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1872), ученик В. И. Ламанского, он был удостоен премии имени Кирилла и Мефодия за студенческое сочинение «Первые славянские монархии на Западе». Сразу после защиты магистерской диссертации «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон» (1874) Ф. И. Успенский был назначен доцентом, а с 1879 г. – профессором кафедры всеобщей истории Новороссийского университета. За время службы в этом университете (1874–1894) Ф. И. Успенский подготовил и защитил докторскую диссертацию «Образование Второго Болгарского царства» (1879), был деканом

историко-филологического факультета (1894) и председателем Историко-филологического общества, при котором организовал византиноведческую секцию (1890). Ф. И. Успенский покинул Одессу в 1894 г. в связи с назначением его директором созданного по его инициативе Русского Археологического института в Константинополе⁴¹.

Авторитетный исследователь истории византийско-славянских отношений, Ф. И. Успенский априори переносил центр тяжести этих отношений именно на Византию. Об этом свидетельствует содержание его речи в торжественном собрании Славянского благотворительного общества, опубликованной в виде очерка «На память 1000-летней годовщины славянских просветителей» (1885). И хотя не подлежит сомнению, что в действительности свое влияние на соседей Византийская империя распространяла разными, в том числе завоевательными мерами, Ф. И. Успенский старался показать факты исключительно мирного воздействия византийцев на славян. Даже завоеванные славяне представлены под его пером как «славяне, поступившие в подданство к византийскому императору». При этом именно они «составляли передовой пост славянства и играли роль передаточного пункта по части тех добрых законов, которые исходили из Византии»⁴².

Если А. А. Кочубинский преуменьшал роль официальной Византии в деятельности Кирилла и Мефодия, то Ф. И. Успенский, напротив, подчеркивал ее огромное влияние на славян, в том числе славян, просвещаемых солунскими братьями. «В обстоятельствах жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, – считал он, – Византия имеет блистательное доказательство своей всемирной культурной миссии»⁴³. Главной заслугой солунских братьев в этой культурной миссии автор считал просвещение славян и передачу славянам церковно-славянского языка. Культурологический аспект проблемы подчас злоняет в речи Ф. И. Успенского политический. Выбор Ростислава в пользу Византии ученый связывал, главным образом, с тем, что она являлась тогда «колыбелью европейской образованности»⁴⁴. Несколько преувеличивал Ф. И. Успенский и роль самого этнического славянского элемента в Византийской империи с VI по IX вв. Он даже стремился доказать славянское происхождение Кирилла и Мефодия⁴⁵, однако эти доказательства носили исключительно косвенный характер.

Юбилейные торжества и чествования в связи с этим пером и словом славянских первоучителей привели к появлению большого количества работ самого разного формата. Задачу обобщения этой литературы и первой попытки библиографического осмысления всего написанного по кирилло-мефодиевскому вопросу попытался осуществить ученик А. А. Кочубинского и Ф. И. Успенского М. Г. Попруженко (1866–1943). Уроженец Одессы, выпускник Ришельевской гимназии и историко-филологического факультета Новороссийского университета (1888), он стал приват-доцентом (1891), экстраординарным (1908), ординарным профессором (1910) кафедры славянской филологии Новороссийского университета, в котором преподавал до эмиграции в Болгарию в 1920 г. Научные интересы М. Г. Попруженко были связаны, прежде всего, с изучением средневековой истории южных славян: он защитил магистерскую диссертацию на тему «Из истории литературной деятельности в Сербии в XV в.» (1894) и докторскую на тему «Синодик царя Бориса» (1899)⁴⁶.

М. Г. Попруженко неоднократно обращался к Кирилло-Мефодиевской тематике на своих университетских занятиях. Так, например, в 1902–1903 уч. г. он прочел спецкурс «Эпоха св. Кирилла и Мефодия». Впоследствии курс под этим названием М. Г. Попруженко читал еще трижды (в 1904–1905, 1905–1906, 1906–1907 уч. г.)⁴⁷.

Как специалист в области средневековой истории южных славян, он прекрасно знал всю обширную литературу по Кирилло-Мефодияне. Интерес к данной тематике после юбилейного 1885 г. стал угасать, научная продуктивность заметно снизилась, и в 1892 г. М. Г. Попруженко опубликовал свой первый очерк «Заметки по Кирилло-Мефодиевскому вопросу». Спустя 9 лет в печати вышла его обширная статья «Материалы для библиографии по Кирилло-Мефодиевскому вопросу».

Обе публикации М. Г. Попруженко объединял их жанр. Ученый настаивал на необходимости создания по данной теме специального библиографического труда, который не только «сможет значительно облегчить собирание материалов», но и «выдвинет для исследования на очередь и новые моменты из эпохи просветителей славян»⁴⁸. М. Г. Попруженко четко понимал значение осуществления такой грандиозной задачи, поскольку считал кирилло-мефодиевскую проблему «главнейшей областью славянской филологии»⁴⁹.

Одесский ученый не решил, да и не мог решить эту задачу полностью. Хотя обе его публикации достаточно подробны, однако они, несомненно, носили предварительный характер. Автор, вероятно, предполагал вернуться к своей идее, обобщить и расширить свои предварительные наблюдения, уточнить общие выводы.

М. Г. Попруженко сумел отразить в своих публикациях все сколько-нибудь значимые работы, не только отечественные, но и многие зарубежные. Его оценки свидетельствовали о высокой эрудиции, доскональном знакомстве с ключевыми вопросами Кирилло-Мефодияны. При этом второй очерк М. Г. Попруженко не являлся расширенным и уточненным вариантом первого: если в своих «Заметках» автор придерживался в основном хронологического принципа обзора работ, то в «Материалах» – в основном тематического.

Среди работ отечественных авторов М. Г. Попруженко вполне заслуженно отводил ключевое место исследованиям П. А. Лавровского, В. А. Бильбасова, А. Д. Воронова, А. С. Будиловича. И. И. Малышевского, И. В. Платонова, М. С. Дринова и др. Особенно подчеркивалось значение труда А. Д. Воронова «Главнейшие источники для истории Кирилла и Мефодия» (1877). По мнению М. Г. Попруженко, «этот труд может считаться опытом подведения итогов всему, что сделано по вопросу о св. Братьях»⁵⁰. Такой объективный отзыв о труде А. Д. Воронова не противоречит и современным историографическим оценкам о данном издании киевского ученого.

Одесский историк писал в своих публикациях не только о научных, но и о популярных отечественных изданиях, или, выражаясь языком самого автора, «изданиях, назначенных для более широкого ознакомления с трудами великих апостолов славянства»⁵¹.

В зарубежной историографии М. Г. Попруженко выделил ключевую тенденцию – стремление многих западных авторов (например, Ф. Рачки) показать, что Кирилл и Мефодий «отшатнулись от восточной церкви, увидя ее заблуждения» и «стали приверженцами пап»⁵². В истории чествования славянских первоучителей М. Г. Попруженко выделял их канонизацию в 1880 г. римским папой Львом XIII, как событие, которым «стали пользоваться с политическими целями и поползновениями в отношении к славянам востока»⁵³.

Объективность требовала от М. Г. Попруженко признать, что не все зарубежные авторы разделяли эту точку зрения. Он особенно выделял публикацию «Рим и славяне» итальянского автора Джакомо Линьяно, в которой содержалось обличение папской политики, успевшей с самого начала разделить славян на два враждебных лагеря»⁵⁴.

М. Г. Попруженко считал чрезвычайно важным и даже «выдающимся» открытие в 1879 г. английским ученым Э. Бишопом в Британском музее сборника папских писем, в которых (как, например, в письме папы Иоанна VIII) говорилось о тех притеснениях со стороны немецко-латинского духовенства, которым подвергался Мефодий в Моравии⁵⁵.

Публикации М. Г. Попруженко стали своеобразным подведением итогов исследований отечественных и наиболее известных зарубежных авторов, которые до начала XX в. изучали многогранную деятельность Кирилла и Мефодия. Много сделал для этого и известный славист П. А. Лавров (1856–1829), который непродолжительное время (1898–1900 гг.) состоял экстраординарным и ординарным профессором кафедры славянской филологии Новороссийского университета. Еще до перехода из Московского в Новороссийский университет, П. А. Лавров издал «Житие святого Мефодия и похвальное слово св. Кириллу и Мефодию по списку XII в.» (1898). И хотя его обширный историко-источниковедческий очерк «Св. Кирилл и Мефодий, первоучители славянские» (1903)⁵⁶, был опубликован уже после перехода ученого в Петербургский университет, в одесский период своей научно-педагогической деятельности П. А. Лавров провел большую предварительную работу по изучению памятников Кирилло-Мефодияны.

Деятельность солунских братьев нашла отражение не только в отдельных публикациях одесских историков, но и в их учебной литературе. Самым обширным по объему учебным изданием рассматриваемого периода стал многотомный «Учебник истории» А. С. Трачевского (1838–1906). Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, преподаватель Московского Николаевского института, затем Тифлисской гимназии, А. С. Трачевский в 1878 г. переехал в Одессу. Здесь до 1890 гг. он стал ординарным профессором кафедры всеобщей истории Новороссийского университета, организатором Одесских женских курсов. Вместе с Ф. И. Успенским он основал при университете Историко-филологическое общество⁵⁷.

Научные интересы А. С. Трачевского были связаны, в основном, с историей Польши XVI ст. и Германии XVIII ст., он читал общие и специальные курсы по новой истории и вел по этому предмету практические занятия⁵⁸. Тем не менее, эрудиция и основательная научная подготовка позволили ему написать и издать учебники, в которых подробно излагалась история Средневековья.

А. С. Трачевский считал, что Средневековье – «наименее разъясненная часть исторической науки, отчасти вследствие скудости или ненадежности источников, отчасти от недостатка исследований»⁵⁹. Отечественная литература по истории средних веков – «наша слабая сторона», – доказывал ученый. В своем учебнике по «Средней истории» А. С. Трачевский упомянул Кирилла и Мефодия как «просветителей славян» всего один раз⁶⁰. Изложению их деятельности ученый целиком посвятил § 14 учебника «Русская история» в связи с той огромной ролью, какую сыграли солунские братья в деле христианизации и просвещения славянства. А. С. Трачевский признавал, что попытки христианизации славян предпринимались и в предшествующий период, причем как Византией, так и католическими миссионерами, однако отсутствие в этом направлении реальных успехов ученый объяснял тем, что новая религия проповедовалась «не на родном языке» и оставалась для народа непонятной⁶¹.

С деятельностью Кирилла и Мефодия А. С. Трачевский связывал «настоящее введение христианства у славян»⁶². Ученый придавал большое значение тому, что наставником Кирилла был сам патриарх Фотий и тому, что солунские братья «посеяли первые семена христианства между восточными славянами», не преуспев при этом в деле христианизации хазар.

А. С. Трачевский приписывал не византийскому двору, а Кириллу и Мефодию идею перевода Священного писания на разговорный язык славянских народов. Этот язык ученый называл «староболгарским». Важнейшим достижением Кирилла А. С. Трачевский считал изобретение им славянской азбуки, а Мефодия – крещение им болгарского князя Бориса-Михаила (865)⁶³. А. С. Трачевский однако не склонен был преувеличивать заслуги Мефодия в деле крещения болгарского князя. Он указывал на то, что Борис-Михаил уже был подготовлен к крещению своей сестрой, воспитанной при византийском дворе.

Подведем итог изучения одесскими историками в XIX – в начале XX вв. просветительской деятельности Кирилла и Мефодия. Обращение ученых к этой деятельности стало одним из приоритетных направлений отечественной исторической науки, в том числе таких ее направлений, как славистики, византистики, истории Церкви. Определенный вклад в исследование кирилло-мефодиевской проблемы внесли известные ученые, чья научная деятельность проходила в учебных заведениях Одессы: профессор Ришельевского лицея К. П. Зеленецкий, профессора Новороссийского университета В. И. Григорович, Ф. И. Успенский, А. А. Кочубинский, М. Г. Попруженко. Данная тематика находила отражение в трудах разного формата, однако ключевым фактором, вызывавшим активность исследователей, являлись тысячелетние юбилеи славянских первоучителей. В целом, представителям одесской школы Кирилло-Мефодияны не удалось создать таких крупных фундаментальных трудов, какие, например, были написаны в этом направлении харьковскими и киевскими историками, однако многие положения их работ сохраняют актуальность до настоящего времени. Дореволюционные одесские исследователи заложили те традиции изучения деятельности Кирилла и Мефодия, которые в настоящее время успешно продолжает известный учёный, профессор Одесского университета О. Б. Демин.

¹ *Лиман С. И.* Харьковская школа Кирилло-Мефодияны (60–80-е гг. XIX в.) // *Дриновський збірник.* Харків–Софія, 2012. Т. 5. С. 230–239.

² *Лиман С. И.* Киевская школа Кирилло-Мефодияны в XIX в. // *Дриновський збірник.* Харків–Софія, 2014. Т. 7. С. 140–149.

³ Историческая записка о состоянии и действиях Ришельевского лицея, с 20 июня 1842 по 20 июня 1843, с кратким обзором 25-летия существования лицея // *Речи, произнесённые в торжественном собрании Ришельевского лицея, 20 июня 1843 года.* Одесса, 1843. С. 3; *Маркевич А. И.* Двадцатипятилетие императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890. С.1.

⁴ *Бернштейн С. Б.* Григорович Виктор Иванович // *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* М., 1979. С. 133.

⁵ *Лантева Л. П.* Кочубинский Александр Александрович // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 196.

⁶ *Смольська А. К., Дьомін О. Б., Самойлов Ф. О.* Григорович Віктор Іванович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Вид. друге, допов. Одеса, 2005. Т. 2. С. 352; *Баранник Л. Ф., Самойлов Ф. О.* Кочубинський Олександр Олександрович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Вид. друге, допов. Одеса, 2005. Т. 3. С. 139.

⁷ *Котилів С. А.* Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок XX ст.). Кам'янець-Подільський: Оіом, 2005. С. 210.

⁸ *Лиман С. І.* Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. (1880–1917): дис...канд. іст. наук. Х., 1993. С. 196; 247; 266; *Лиман С. І.* Идеи в лагах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). Х., 2009. С. 413–415, 423–424.

⁹ *Лиман С. І., Сорочан С. Б.* Византия в трудах историков Новороссийского (Одесского) университета (середина 60-х – первая половина 80-х гг. XIX в.) // Дриновський збірник. Харків–Софія, 2009. Т. 3. С. 310–312; *Лиман С. І., Сорочан С. Б.* Виктор Иванович Григорович как византист: херсонско-одесский период его научно-педагогической деятельности (1864–1876) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 852. Сер.: Історія. Вып. 41. Х., 2009. С. 300–301.

¹⁰ Подробнее об этом см. в предыдущих статьях: *Лиман С. І.* Харьковская школа Кирилло-Мефодияны (60–80-е гг. XIX в.). С. 230; *Лиман С. І.* Киевская школа Кирилло-Мефодияны в XIX в. С. 140–141; ср.: *Лиман С. І.* Идеи в лагах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). С. 411–414.

¹¹ *Зеленецький К.* О языке церковно-славянском, его начале, образователях и исторических судьбах. Одесса, 1846.

¹² *Зеленецький К.* О языке церковно-славянском, его начале, образователях и исторических судьбах. Одесса, 1846.

¹³ *Зеленецький К.* О начале и образователях языка церковно-славянского // Речи, произнесённые в торжественном собрании Ришельевского лицея 18 июня 1844 г. Одесса, 1844. С. 1–68.

¹⁴ *Зеленецький К.* О языке церковно-славянском, его начале, образователях и исторических судьбах. С. 20.

¹⁵ См.: *Погодин М. П.* Св. Кирилл и Мефодий – славяне, а не греки // Православное обозрение. 1864. № 5. С. 1–9; *Завадский-Краснопольский А.* Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе. К., 1866.

¹⁶ *Зеленецький К.* О языке церковно-славянском, его начале, образователях и исторических судьбах. С. 35.

¹⁷ Там же. С. 61.

¹⁸ См.: *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 197.

¹⁹ *Зеленецький К.* О языке церковно-славянском, его начале, образователях и исторических судьбах. С. 22.

²⁰ Ср.: *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2. С. 1409.

²¹ *Зеленецький К.* О языке церковно-славянском, его начале, образователях и исторических судьбах. С. 27.

²² *Новицкий О.* О первоначальном переводе Священного Писания на славянский язык. К., 1837. С. 27.

²³ *Зеленецький К.* О языке церковно-славянском, его начале, образователях и исторических судьбах. С. 39.

²⁴ Там же. С. 28.

²⁵ Там же. С. 29, 32.

²⁶ Подр. см.: *Лиман С. І.* Идеи в лагах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). С. 415–416.

²⁷ Краткий отчёт о состоянии и действиях имп. Новороссийского университета в 1872–73 ак. году // Записки Новороссийского университета. 1873. Т. 11. С. 153; Протоколы заседаний Совета [Новороссийского университета] с 18 августа по 23 декабря 1873 // Записки Новороссийского университета. 1873. Т. 9. С. 244–245; *Смольська А. К., Дьомін О. Б., Самойлов Ф. О.* Григорович Віктор Іванович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Вид. друге, допов. Одеса, 2005. Т. 2. С. 349–351.; *Лиман С. І., Сорочан С. Б.* Виктор Иванович Григорович как византист: херсонско-одесский период его научно-педагогической деятельности (1864–1876) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 852. Сер.: Історія. Вып. 41. Х., 2009. С. 297.

²⁸ *Григорович В. І.* Несколько слов сказанных по поводу празднования тысячелетия со времени кончины Св. Кирилла // Записки Новороссийского университета. 1869. Т. 3. С. 8–9.

²⁹ Там же. С. 9.

³⁰ Там же. С. 9–10.

³¹ Там же. С. 11–13.

- ³² Краткий отчёт о состоянии и действиях имп. Новороссийского университета в 1870–71 ак. году // Записки Новороссийского университета. 1871. Т. 7. С. 14; Протоколы заседаний Совета имп. Новороссийского университета 20 августа – 15 декабря 1880 г. // Записки Новороссийского университета. 1881. Т. 32. С. 194–200; *Лантева Л. П.* Кочубинский Александр Александрович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., С. 195–196.
- ³³ *Кочубинский А. А.* Тысячелетие славянства // Исторический вестник. 1885. № 3–4. С. 612.
- ³⁴ *Кочубинский А. А.* (6 апреля 885–1885). Добрый пастырь и добрая нива. Речь, произнесённая в юбилей св. Мефодия в торжественном собрании имп. Новороссийского университета. Одесса, 1885. С. 43.
- ³⁵ *Кочубинский А. А.* Тысячелетие славянства. С. 612; Ср.: *Фрис В.* Історія кириличної рукописної книги в Україні. Львів, 2003. С. 18–19.
- ³⁶ *Кочубинский А. А.* (6 апреля 885–1885). Добрый пастырь и добрая нива. С. 4.
- ³⁷ *Кочубинский А. А.* Тысячелетие славянства. С. 611.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Кочубинский А. А.* (6 апреля 885–1885). Добрый пастырь и добрая нива. С. 5.
- ⁴⁰ Там же. С. 6.
- ⁴¹ Краткий отчёт о состоянии и действиях имп. Новороссийского университета в 1879–80 уч. году // Записки Новороссийского университета. 1880. Т. 31. С. 9; *Дьямін О. Б., Самойлов Ф. О.* Успенський Федір Іванович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Вид. друге, допов. Одеса, 2005. Т. 3. С. 301; *Лиман С. І.* Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). С. 586–587.
- ⁴² *Успенский Ф. И.* На память тысячелетней годовщины славянских просветителей. Одесса, 1885. С. 2.
- ⁴³ Там же. С. 1.
- ⁴⁴ Там же. С. 2.
- ⁴⁵ Там же. С. 3.
- ⁴⁶ *Лиман С. І.* Медієвістика в Україні в кінці ХІХ – на початку ХХ ст. (1880–1917): дис...канд. іст. наук. С. 274.
- ⁴⁷ Там же. С. 247.
- ⁴⁸ *Попруженко М. Г.* Материалы для библиографии по Кирилло-Мефодиевскому вопросу. Отд. оттиск из «Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 88.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Попруженко М. Г.* Заметки по Кирилло-Мефодиевскому вопросу. Одесса, 1892. С. 3; Подр. см.: *Лиман С. І.* Харьковская школа Кирилло-Мефодияны (60–80-е гг. ХІХ в.). С. 230–237; *Лиман С. І.* Киевская школа Кирилло-Мефодияны в ХІХ в. // *Дриновський збірник.* Харків–Софія, 2014. Т. 7. С. 142–146.
- ⁵¹ *Попруженко М. Г.* Материалы для библиографии по Кирилло-Мефодиевскому вопросу. С. 103.
- ⁵² *Попруженко М. Г.* Заметки по Кирилло-Мефодиевскому вопросу. С. 4.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Попруженко М. Г.* Материалы для библиографии по Кирилло-Мефодиевскому вопросу. С. 95.
- ⁵⁵ *Попруженко М. Г.* Заметки по Кирилло-Мефодиевскому вопросу. С. 10–13.
- ⁵⁶ См.: *Лавров П. А.* Св. Кирилл и Мефодий, первоучители славянские // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. М., 1903. Вып. 2. (Первая половина). С. 133–221.
- ⁵⁷ *Лиман С. І.* Медієвістика в Україні в кінці ХІХ – на початку ХХ ст. (1880–1917): дис...канд. іст. наук. С. 278–279.
- ⁵⁸ Там же. С. 244–245.
- ⁵⁹ *Грачевский А. С.* Учебник истории. Средняя история. СПб., 1886. С. III.
- ⁶⁰ Там же. С. 134.
- ⁶¹ *Грачевский А. С.* Учебник истории. Русская история. СПб., 1885. С. 20.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. С. 21.